

Даниил Фридан

ПАДАТА

№ 7

Даниил Фридан

Палата №7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12487275

ISBN 9785447433260

Аннотация

Может ли выжить человек на другой планете, используя свой предыдущий жизненный опыт? Рожденный в СССР и проведший юность в России 90-х всего лишь пытается получить свой шанс на счастье и любовь на чужой планете под названием Израиль. В мире абсурда иногда надо быть безумным. Добро пожаловать в палату №7. Умные врачи и жестокая терапия. Пациент безнадежен или дрессировка пройдет успешно? Если врач сказал в морг, значит – в морг? Больной будет сопротивляться.

Содержание

Вторая бутылка бренди	5
Усыновите меня, пожалуйста!	15
Финики	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Палата №7

Даниил Фридан

© Даниил Фридан, 2015

© Владимир Камаев, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Вторая бутылка бренди

Первая бутылка бренди не оставила ярких воспоминаний в моей памяти. Только смутная дымка радости от экзотики названия и только. Помню, с кем я её выпил (да с тем же, с кем и вторую), и ещё помню, что она стоила дешевле, чем вторая. Всё остальное заволок тусклый туман беспамятства.

Вторую бутылку бренди я запомнил. Я жил тогда в Нацерате, что в Израиле. Мне платили пособие по безработице, которого с лихвой хватало на покрытие моих убогих потребностей. Я чувствовал себя как бог и не понимал, почему этого не разделяют остальные. Не говорил ни на иврите, ни на английском и не испытывал никакого дискомфорта от этого. Забыл добавить, что мне было 22 или 23 года, и я никого ещё не любил, не убил и т. д. Короче говоря, я был почти счастлив от функционирования собственных клеток, а процесс их разрушения мозга просто не были в состоянии предвидеть на тот момент моего интеллектуального развития.

Наступал шаббат, т. е. вечер пятницы, и ради увеличения числа световых пятен перед глазами я решил поехать в Хайфу к Саше.

Саша был человеком, который на кратковременный период мог прощать мне мои недостатки, а я, как ни странно, в ответ старался не замечать его – иначе говоря, были почти

друзьями, хотя с нашим аутизмом это было непросто. Мы периодически находили возможность пить вместе и говорить на абстрактные темы, очевидно, получая какое-то удовольствие от этого.

Ему было лет 30—31 и масса жизненного опыта. Его мозги на тот период позволили найти работу на медицинском складе и снимать, дай бог памяти, двухкомнатную квартиру на пару с каким-то украинским или южнорусским уродом: помню только гундосый акцент, свойственный тем прекрасным широтам. Радовало, что этот урод нашёл работу в близлежащем отеле и целыми днями пропадал там, не портя и без того убогий пейзаж трущобной хайфской квартиры.

Дополняя характеристику Саши, можно сказать, что у него было лицо лысого Пьеро на 187-сантиметровом теле легкоатлета, переключившегося на занятия кикбоксингом. Не уверен, что я был похож на Арлекина, уж слишком квазимодистым лицом я обладал, но, судя по всему, мои 85 кг на 172-сантиметровом теле бывшего борца всё же как-то сочетались с его сухой фигурой. Несмешной Арлекин и приспособленный к жизни циничный Пьеро. Помню, увидев нас и ещё одного персонажа из Дагестана, с которым мы периодически общались, вечером на улице пара марокканских девочек воскликнула: «Ейзе маньяки!» Даже с моими скромными знаниями иврита про маньяков я понял. Хотя чего с этих девочек взять – морока одна.

Высокий автобус и горный серпантин: двадцать минут

раскачивания и обдувания кондиционером, рассматривания исподтишка торчащих тесёмок стрингов аппетитно поджаренных на солнце тайманок, сидевших в соседнем ряду напротив – и вот уже грязные затхлые районы блядской Хайфы.

Миссия покупки спиртного – свята! Я влюбился с первого взгляда. Слепя своей естественной красотой, на полке магазина стояла она – моя бутылка. Она стоила дороже давно выпитой первой на 20 шекелей. Моя гордость позволила моим финансам расплатиться, хотя в мозгах вопросительный знак вопрошал: «П-О-Ч-Е-М-У?» Интеллект в этих вопросах не котировался, русская кровь в очередной раз победила семитскую. Бутылка бренди, одетая в целлофан пакета, скрывшего красоту её наготы, готова к транспортировке.

Я был рад видеть пессимистическое лицо Саши на пороге его квартиры. Обмен фразами ни о чём, пересказ чего-то там. Звуковые волны прошивают жаркий воздух. Привыкание произошло, можно расслабиться, всё по-прежнему: мы можем общаться. Кодировки колебаний интеллектуально-психической энергии, скрипя, сошлись и расшифровались.

Вот уже суббота. Я что-то напутал: то ли я приехал в субботу вечером, то ли вечер пятницы летучей мышью промелькнул и скрылся. Время, в очередной раз сделав ускорение, броском на 5 баллов доконало пятницу. Уже точно суббота.

Процесс дефлорации пошёл. Мы пили бренди не разбавляя. Вкус был каким-то химически-кислотным с чем-то напоминающим сливы.

Помню эти сливы: огромные, чёрно-синие, не влезающие в рот. Где это было? Вспомнил: Крым и мне 13 лет. Сад, покрытый виноградником сверху – сколько лет этому винограднику? 100? Больше, сочиняю я. Почему в самую страшную жару под листьями винограда всегда прохладно? Откусываю кусок сливы: цвет жёлтый с красными вкраплениями гармонирует с чёрно-фиолетовой кожей. Ван Гог уже застрелился. Кто ещё это нарисует? Моя память как евнух. Трансмиссия в руки для изображения виденного не работает. Дурак ты, Ван Гог. Ты должен был нарисовать эти сливы.

Короче, вкус ужасный. Но как бьёт по мозгам!

– Саша, я понимаю сейчас, почему эта бутылка стоит дороже на 20 шекелей. Оно того стоит.

– Да, стоит.

Конфликт русской и еврейской крови исчерпан. Статус-кво, консенсус, пауза в конфликте. Кровь закипела и сроднилась. Дворняжка стала круче всех. Это всё бренди. Это пройдет.

Паузы удлиняются, а выпита только половина. Мы оба не новички и дружим с алкоголем. Но эта бутылка! Она нас одолевает. Красные лица деревенеют, расширенные зрачки застывают. Лицо собеседника меняется, словно надевают разные карнавальные маски. Память закружила хоровод,

мелькание обрывков запахов, цветов, болей и радостей. Язык заплетается, но для беседы он уже не нужен. Разговор идёт сам по себе. Мозги ловят звуки и интерпретируют их со скоростью света... и правильно интерпретируют! Если бы Саша стал говорить со мной на иврите, ничего бы не изменилось, понимание нерушимо. Бренди – лучший переводчик. Потом всё изменится, придётся платить, но это потом.

Две трети выпито. Интеллект Саши даёт сигнал к отступлению. Он пробирается в комнату к кровати и бросается в чёрную дыру сна. Его душа вне тела, вне Хайфы, вне Земли. Надеюсь, он счастлив. Я злюсь. Надо добить эту бутылку. Она не может быть сильнее меня.

Туман опьянения рвёт звук колыбельной. Отец поёт мне тихим голосом, мне 4 года, и у меня болят уши. Пытаюсь снять боль, пытаюсь помочь мне заснуть, он поёт. Какая музыка, какие звуки! Если есть рай для меня, то я хочу там слышать колыбельную в исполнении моего отца. «Не ложись на краю» – самая мудрая фраза в моей жизни. «Баю-баю» поёт бренди, от этой фразы оставляя только: «На краю».

Разрыв, вторжение, возврат: пришёл урод. Уроды всегда всё портят. Хотя теперь есть с кем выпить. В его гостинице был день рождения у кого-то из рабского персонала, и он уже подшофе. Чуть-чуть моего бренди (да, сознаюсь, налил ему – мухлюю в попытке добить эту бутылку), и он уходит из моего поля видения. Нокаут считает судья. Девять, десять. Дурак, вызывай скорую. Ну и слава богу! Он поднялся и ку-

да-то побежал, наверное, в пятизвездочную гостиницу стоять по стойке смирно за чаевые. Опять мы только вдвоём: я и ты, моя вторая бутылка бренди. Осталось чуть-чуть.

Последний рывок. Я в спортзале, потный, с дрожащими от перенапряжения руками, икру только что сводила судорога, и я катался, колотя по ней кулаком, с перекошенным от нехватки воздуха под воздействием боли лицом. Последняя схватка, мне 15 лет. Ещё 5 минут борьбы с 20-тилетним дебилом, работающим мясником на рынке, контролируемом борцами. Тренер, директор рынка по совместительству, насмешливо смотрит на интеллигентного мальчика с нерусской фамилией. Издёвка в глазах. Давай, дерзай, еврейчик, это тебе не Достоевского читать. Я стискиваю зубы за мою русскую маму и украинского отца и впечатываю шестьюдесятью килограммами своего тельца откормленную ворованной свининой тушу в ковёр.

Оп-па. Бутылка выпита. Нирвана. До кровати, что в двух метрах, надо идти через Сахару с миражами. Надо посидеть ещё немного, собраться. Помню, как 3 года назад мне ударили в живот ногой. Я пролетел по горизонтали метра два и сполз вниз по стене, которая располагалась на этой дистанции за моей спиной. Где-то внутри закровоточила треснувшая от удара печень. Мне кажется, я сидел и собирался с силами для подъёма полчаса тогда. Мой знакомый, видевший это, сказал, что две минуты. Время бежало для нас по-разному.

Подъём. Колебания раскачивания тела при ходьбе достигают 180 градусов. Откуда тут песок? Ноги по чресла в нём, когда же я дойду? Уф, провал в постель. Она ниже, чем Кенерет по сравнению с уровнем мирового океана. Я всё ещё не достиг простыни... свободный полёт. Бух. Приземление не было мягким...

4:30 утра. Я блюю в подушку, на которой лежу. Сил отползти и нагадить где-то ещё, в более приспособленном укромном месте, нету. Бренди сильнее меня. Расплата наступает. Ничего, это того стоило. Запах желудочного сока. Сил отползти нету. Провал в сон.

6:30 утра. Счищаю с лица липкую массу. Дохожу до туалета, беру тряпку, начинаю счищать слизь. Зачем? Куда торопиться? Всё это на автомате. Провал во времени в 30 минут (монтаж, блин). Всё убрано. Уход в сон на мокрой простыне.

8:00 утро. Саша встал и ехидно принюхивается к запаху желудочной жидкости. А мне хорошо. В голове всё ясно до боли. Да, во рту не очень, но терпимо, изредка подкатывает, но в целом отпустило. Я смотрю ехидно на него в ответ. Ему в 9 на работу, а расплата наступила. Лёгкий озноб и вестибулярные трудности. Саша набирает номер работы. Типа он заболел и сейчас у врача, подойдет только к двум пополудни. Телепатия бренди ещё работает, я понимаю иврит. Конечно, ему позволят, он же лучший работник. Болеет только по воскресеньям после моих визитов. О, Алекс, не торопись и всё такое прочее. С деланным сочувствием в го-

лосе какая-нибудь сефардка-начальница позволит ему припоздниться. Теперь он смотрит ехидно опять. Коммуникация разладилась. Каждый сам по себе в плену злобы похмелья. Надо ехать домой... в смысле в Нацерат, ибо где мой дом я не имею никакого понятия.

Еду я не воспринимаю, а холодной воды выпью. Пару глотков. Вода зашипела на стенках обожжённого бренди горла и просочилась в желудок, а там – чёрт знает что.

Прощай, русскоговорящая Хайфа (точнее, говорящая на непонятном языке), влажность, пот, потерянные люди. Высокий автобус.

Вода смывает остатки грязи моего желудка, болтаясь под воздействием качки на горном серпантине. Буль-буль. Высокий автобус. Удерживаю рвоту. Как погано, блин! Вот она – расплата. Странно, но выгляжу я хорошо, чувствую это. Лицо заострилось и приняло мужественный характер. В глазах отблеск пьяной мудрости и ясность-чистота детского взгляда. Полуголая маечка открывает тушку бывшего спортсмена, не успевшего зажиреть. Если бы только знали смотрящие на меня люди, какая это шняга. Две марокканки с интересом поглядывают на меня. Я для них экзотика, мои серые глазки призывно улыбаются, зубы сжимаются в попытке избежать рвоты. Пока удаётся. Когда кончится эта поездка по палате №7? «Палата №7, Израиль чёртов мне надоел уже до крови в лёгких», – занимаюсь стихотворчеством. Ещё чуть-чуть. Удерживаю судороги рвоты.

Марокканки улыбаются. Шипят что-то между собой на иврите. Я причмокиваю губами в ответ. Тут все чмокать начинают. Поганая привычка, надо избавляться.

Нацерат. Чуть-чуть осталось. За две остановки до моего выхода не выдерживаю. Вода, ополоснув и смыв всю грязь с желудка, льётся наружу. На отмытый алимами пол высоко-комфортного автобуса. И затем под уклон туда, к марокканкам.

Боже, как хорошо. Ощущаю себя, как после бани, чистым как младенец. Зачем я пытался держать это всё в себе? Я чувствую себя богом или хотя бы Одиссеем, уже залапавшим грудь Пенелопы после двадцати лет шляния по проститутками. Кстати, о бабах! Призывно и искренне на сей раз улыбаюсь марокканкам. Всё, я им больше не нравлюсь, по-моему, у них культурный шок. Их тонкие душевные сущности потрясены увиденным. Интересно, останется ли это в их памяти как в моей?

Останки второй бутылки бренди текут по полу автобуса в такт раскачиванию салона. Моя остановка. Улица роз. Шошаним – никаких ассоциаций с розами это слово не вызывает. Гордо выдерживаю укоризненный взгляд шофёра-араба. Дурак ты, если бы знал, как мне хорошо сейчас и насколько всё всё равно. Я выпрыгиваю в свободном падении наружу. Новый, чистый, перерождённый, обмануто-счастливый. Бренди, мать его. И даже неважно, раскроется ли парашют. Ответ я и так знаю, я ведь его даже не брал.

Почему-то я запомнил тебя, моя вторая бутылка бренди. Почему мы запоминаем одно и забываем другое? От чего это зависит? Я был почти счастлив тогда, я был почти как господь бог. Почему? Я не знаю. Это просто бренди, вторая бутылка.

Сейчас подумал, что какой-нибудь придурок прочтёт это и решит, что рассказ о вреде пьянства. Надеюсь, что этого не будет. После первого предложения этот случайно забредший сюда персонаж бросит читать. Это не для него. Ведь это просто об украденном у судьбы мгновении счастья – у судьбы, которая как старый жид-ростовщик дрожит над каждой копейкой. У судьбы, которую не обманешь.

Один человек сказал мне, что я всё придумал. Это самая жестокая фраза, которую я слышал в своей жизни. Ей можно убить всё, что угодно, кому угодно, кого угодно. Смешно, но этот рассказ я придумал от начала и до конца. Так же как выпил вторую бутылку бренди, от начала и до конца. Признаю это, грешен.

Усыновите меня, пожалуйста!

Надраиваю железной щёткой большой чан, чищу от остатков вчерашнего супа. Аелла подгоняет: надо ещё плиту отполировать, чтобы можно было поставить фаршированный болгарский перец.

Мог ли я знать, что в двадцать пять лет, после окончания Педагогического Университета и двух лет работы директором гостиницы на сто двадцать мест, окажусь в богом забытой дыре под названием Д... и буду пахать мальчишкой на побегушках в кибуцной столовой? Правда, когда меня спрашивают, кем работаешь, то я предпочитаю отвечать, что тружусь в качестве помощника повара. Ой, да ладно, кого я обманываю! Посудомойка я и подтиратель плиточных кухонных полов.

Кибуц Д... расположен на озере Кенерет недалеко от города Тверия, что в Израиле. Я – оле хадаш, новоприбывший эмигрант. Занесла же меня нелёгкая! Вот он – венец моей карьеры и мечтаний!

Самое смешное – мне нравится! Во-первых, – работаешь на кухне – ешь самое вкусное! Знаешь, что свежее, что только с печи, а что стояло в холодильной камере, укутанное целлофаном. Я уже поправился на семь кило! Мне это как раз не помешает, а то, как из СИЗО города Тверь вышел: 65 кг весил, одни кости и это при росте метр восемьдесят!

А во—вторых,... ну... об этом поподробнее...

По пятницам в кибуцной столовой всегда аншлаг. Почти все приходят с детьми, по три – четыре штуки, с родителями. Кухня захлёбывается грязной посудой, поэтому по пятницам берут дополнительного работника.

Пришла Ксенайда, маленькая, рост где-то метр пятьдесят три, очень пропорциональная. Русские при таком росте пропорциональными не бывают! А у неё правильные соотношения, длинные ноги, грудь небольшая, высокая. Лицо смуглое, чуть азиатское, волосы как вороново крыло до крепкой маленькой задницы достают. А энергии! Как у вечного двигателя! Возраст у маленьких худых женщин всегда трудно определить... на вид тридцать.

Поулыбались мы друг другу, поперемигивались на бегу и в промежутках между подтиранием замызганных полов и разгрузкой беременной грязью посудомоечной машины. Так шаббатный вечер незаметно и промелькнул. Подустал я, снимаю фартук. Ксенайда стоит в проходе, к стене облокотилась, смотрит на меня: белок глаза огромный, а зрачок антрацитом чёрным жжёт. В руке держит стручок зелёного перца. «Ата огев хориф? („Ты любишь острое?“)» – спрашивает. А я на иврите не ахти, пару месяцев всего в стране-то. „Хориф“ („Острое“)? Что такое „хориф“?» – мозги со скрипом от усталости еле шевелятся, а вслух: «Чего?»

Смотрит на меня, как на ребёнка малого: «Ну ... ата огев хориф („Ну, острое любишь?“)»? «Чего?» – чувствую себя

идиотом полным. «Огев хориф?!» Чего я торможу-то? Да всё что хочешь, милая! «Огев хориф („Люблю острое“)\», – отвечаю, для убедительности выгоревшие брови хмурю и головой как осёл киваю. «Они огевет меот» («Я очень люблю»), – и начинает перец этот облизывать и жевать потихоньку. А сама на меня смотрит, просто дырку во мне глазами своими чёрными выжигает!

Издевается она что ли!!! Схватил я её, поднял на руки... а на землю опустил минут через двадцать только. Сама виновата! Нельзя так над людьми издеваться! Я всё удивлялся потом, как джинсы с неё на весу стащил?

Отсыпался всю субботу. Ноги болели очень. Встал уже к вечеру и побрёл к небольшому местному пабу. Его для волонтеров сделали, кто работает на кибуц, чтобы они с ума от скуки не походили, для тайландцев, которые по четырнадцать часов на банановых плантациях пахнут, для солдат, кто от кибуца числится. Там есть бар с водкой ужасного качества для тех же тайцев, бильярдный стол для игры в пул, телевизор.

В пабе на пол дивана развалился Мишка. «В пул?»

Мишка – горский еврей, хотя оказалось, что не еврей. По въезду в страну давали паспорта. Выяснилось, что бабка его матери не татка, а русская! Можете себе представить! То есть человек жил себе в своём Дербенте еврей-евреем и тут на: дают ему теудат-зеут, а там на месте национальности вместо «ягуди» – ПРОЧЕРК. Мишка за тем пассажиром, что

удостоверение личности выдавал, минут десять бегал, кричал: «Заррэжу!» Но ничего, успокоился потом. Я, когда эту историю услышал, чуть со стула не упал от смеха. В моём-то гордо красуется: «РУССИ». А чего мне стесняться? Прочерки ставить? Русская у меня мать, Р-У-С-С-К-А-Я.

«В пул?» – спросил Мишка. Он уже переоделся в гражданское, только «М-16» в уголке стоит. Мишка служит по две недели в Газе на чек-посту, а потом на неделю сюда. Кибуц ему как солдату-одиночке выделил хибарку.

Помню, в детстве, когда только пошли видеофильмы из-за границы, всегда в них были плохие парни в бильярдной. Жизнь интересно жонглирует людьми и событиями. В кибуце Д... плохими парнями с киями были я и Мишка.

Подошёл кибуцный молодняк. Я наигрался и освободил бильярдный стол, сел на диван и начал откупоривать умыкнутую с кухни бутылочку фруктовой водки. Мишка толкнул меня и кивнул на пул: «Смотри какая!»

За бильярдом творила чудеса с кием маленькая смуглая девчонка лет девятнадцати. Мой любимый типаж: невысокая, пропорциональная, брюнетка, глаза карие, грудь небольшая высокая, смешная. Мишка мои вкусы уже знает, его-то всё больше на блондинистых коров немецких кровей тянет. «Сыграем?»

Звали её Кейли. Она доучивается в школе последний год и готовится пойти в армию. Ей 18 лет, её рост 156 см, её вес 43 кг, её талия 58 см и первый размер груди. У неё есть

бой-френд – марокканец Ариэль, довольно известный в кибуце засранец. Они сейчас в ссоре, даже не разговаривают. «Ничего-ничего, помиритесь», – утешаю я Кейли, приобняв за плечи. На столике наполовину пустая (да, я пессимист) стоит вторая бутылка фруктовой водки.

Живу я один и в вагончике. Условия барские: душ, туалет, газовая плита, огромная кровать, кондиционер. Есть минус: на солнце вагончик здорово нагревается.

Глаза открыл: на электронных часах зелёным высвечивалось пять часов утра. Прислушиваюсь к дыханию Кейли. Осознаю, что я влюбился. Никогда ещё за двадцатипятилетнюю жизнь мне так хорошо не было! Она лежит на боку лицом ко мне. Талия её кажется совсем узкой, а дуга бедра очень высокая, словно дельфин из моря выпрыгнул. Стараюсь дышать как можно реже и тише и смотрю, смотрю...

Когда я открыл глаза, постель была пуста. Будильник притаился и готов через две минуты взорваться матом подъёма. Семь часов пятьдесят восемь минут. Вырубаю его на опережение! Пора на работу в столовую, воскресенье – новая рабочая неделя началась.

Вечером в пабе Мишка рассказал, что Кейли привезла в Израиль мать пять лет назад из Коста-Рики. «У неё ещё сестра есть, полная оторва!»

Через день в паб пришла Кейли с сестрой. Сестру звали Анджи, и ей было шестнадцать лет. Они похожи, только младшая повыше и темнее, волосы чёрные аж с отливом

фиолетового и прямые. У Кейли волосы вились и от солнца были шоколадные. Черты лица Анджи были грубее, резче. Суставы рук и ног раздёрганы и истеричны. Походка резкая, смех грубый, подростковый. Анджи, реально, была полным беспределом. У неё сменилось штук шесть любовников, она пила, курила гашиш, гоняла на мотоцикле последнего бойфренда. В пабе она просто поселилась!

В среду вечером Анджи полупьяная резвилась там с Микки, пацаном лет восемнадцати, единственным достоинством которого был спортивный мотоцикл. Было уже поздно, и сидели там только трое: я, он и она.

Паб как обычно был на самообслуживании, как и большинство всех вещей в кибуце. Анджи, нацеловавшись с мальчиком, пошла на кухню жарить чипсы. Наверное, пробило на хавчик с косячка. Я тоже вышел на кухню, сел на стол и стал смотреть, как её чумазные ручки быстро и умело чистят картошку. Микки сидел в зале паба и смотрел футбол по телевизору. Анджи хитро посмотрела на меня и сказала по-русски: «Сосёшь?»

– Чего? – я чуть со стола не упал. Ты хоть знаешь, что это такое – «сосёшь»?

– Ага, – её лукавая обезьянья мордочка скорчила озорную гримасу. – Так «сосеешь»?

Ну как с ней разговаривать? Бесёнок он и есть бесёнок.

– А ты «сосёшь»? – киваю на открытую дверь в зал, откуда доносится рёв футбольных болельщиков, и откуда видне-

ются ноги Микки.

– Не-а, он «сосёт»! – кивает она туда же и хитро улыбается.

Так всё, мне пора бежать отсюда! Я, реально, уже боюсь её! Задержался у телефона, что рядом. Его сюда приспособили, чтобы несчастные волонтеры могли звонить в свои Австралии, Южные Африки и США и рассказывать родителям о суровой и героической жизни кибуца. Позвонил на свою историческую родину, то бишь в Тверь, Денису. «Ты как там, держишься?»

Из паба вышла Анджи, видать, чипсы уже шипят на огне, и направилась прямо ко мне. Подошла, мордочку хитрую сделала, слушает русскую речь и кривляется. Отступить мне некуда, спина в стену упирается, на которой этот чёртовый телефон припаян. Прижалась ко мне и лизнула два раза своим быстрым тонким язычком, как мёдом помазала! «Да, брат, держусь!»

Опять шаббатный ужин. Ксенайда смотрит на меня, а глаза смеются. Демонстративно, когда другие не видят, подтягивает джинсы повыше и многозначительно закатывает очи. Как маленькая! Что-то в ней есть, что меня притягивает. «Я тебя буду звать „Зина“, можно?» Смеётся.

«Пойдём ко мне?»

Она зашла к себе в дом первая, попросила подождать в сторонке. Стою под финиковой пальмой, смотрю как кошка геккончика готовит к героической смерти. Из дома вышла

какая-то кибуцная тётка и заторопилась в темноту. «Заходи»

Дом большой, красивый. В колыбельке спал младенец. «Сын», – гордо сказала Зина. «Красивый», – я прижал её и поцеловал.

Утром меня разбудил звон посуды на первом этаже. Я оделся и спустился из спальни. Ксенайда колдовала над завтраком. В стульчике на колёсиках сидел её годовалый сын с испачканным молоком лицом и иронично взирал на меня своими чёрными бездонными глазёнками. Зина сверкнула на меня искорками зрачков, улыбнулась. «Сейчас дочки спустятся, позавтракаем»

Показались дочери, заспанные, чуть припухшие лица... Кейли и Анджи. Думаю, завтрак мне надо начать со 100 грамм.

«Она с Коста—Рики привезла двух дочек. Муж её там пропал без вести. Ксена помаялась-помаялась, ну и приехала сюда к этому кибуцному жирному ублюдку. Родила ему сына. Ему год сейчас. А ей – 36», – играя с обложкой к «М-16», рассказывал мне Мишка. Мишке завтра в Газу ехать. Мы сидели в его хибаре субботним вечером и курили наргилу. Этот гад кавказский сто процентов туда подмешал что-то. Всё плывёт вокруг и шатается. Дверь отворяется и на пороге стоит Кейли.

Смотрит на меня задумчиво, внутрь не проходит. У меня в жизни никогда так как с ней не было. В Кейли всё словно под меня сделано: каждая впадинка, каждый изгиб. Родная

она мне. «Иди сюда, девочка».

В воскресенье рано утром я возвращался с автобусной остановки: Мишку провожал. Он сказал мне, что толстый кибуцный муж Ксенайды прибывает с мелуима (ежегодный армейский призыв для поддержания боевой квалификации) через неделю. Шёл и думал, что может ещё успею застать Кейли в своей постели, ей сегодня только к третьему уроку. А ещё думал, что днём найду Ксенайду и поговорю с ней... Скажу ей... Что ей сказать?

Вот это всё и есть – моё «во-вторых»...

Я, кстати, придумал, что Ксене сказать. Подойду к ней и попрошу: «Зин, усынови ты меня, пожалуйста!»

Финики

Финики растут на финиковых пальмах. Гроздьями. Можно даже сказать лозами. Или нельзя? Я сказал бы. Вы это знали? Я понятия не имел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.